

«Я ГОТОВ ВАМ ДАТЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОРУЖИЕМ...»

Несостоявшийся поединок писателя А.И. Куприна и сына генерала В.Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования*

А.В. Ганин

Аннотация. В статье рассмотрена история несостоявшейся дуэли между сыном генерала В.Н. Клембовского и знаменитым писателем А.И. Куприным. В ответ на воззвание Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами к бывшим офицерам с призывом вступить в Красную армию для отражения польского наступления в 1920 г. А.И. Куприн выпустил гневную статью. В ней он резко отозвался о подписантах воззвания – старых генералах. Среди них был и В.Н. Клембовский. Однако сын Клембовского, белый офицер, несмотря на очевидные идейные расхождения с отцом, вызвал Куприна на дуэль. Писатель от дуэли уклонился. Тем не менее этот эпизод стал яркой характеристикой раскола офицества, которое даже по разные стороны баррикад не утратило приоритетного восприятия родственных и иных связей, сложившихся еще до Гражданской войны.

Ключевые слова: А.И. Куприн, В.Н. Клембовский, русский офицерский корпус, Особое совещание при главнокомандующем, Гражданская война.

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А, andrey_ganin@mail.ru.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

“I AM READY TO GIVE YOU SATISFACTION WITH THE WEAPON...”

A Failed Duel between the Famous Writer A.I. Kuprin and the Son of General V.N. Klembovsky in 1920: an Experience of a Micro-Historical Investigation

A.V. Ganin

Abstract. The article discusses the story of the failed duel between the son of General V.N. Klembovsky and the famous writer A.I. Kuprin. In response to the Special Council appeal under the chief of all the armed forces to former officers to join the Red Army in order of repelling the Polish attack in 1920 A.I. Kuprin has released an angry article. In this article he sharply responded about the signers of the appeal – the old generals. Among them was V.N. Klembovsky. A white officer, Klembovsky's son, despite the obvious ideological differences with his father, caused Kuprin to a duel. The writer had declined the action. This episode has become a striking feature of division in the officer corpus, who being on different sides of the barricades had not lost the priority in perception of kinship and other ties, established before the Civil War.

Keywords: A.I. Kuprin, V.N. Klembovsky, Russian officer corps, a Special Council under the commander-in-chief, the Civil War.

Микроистория нередко позволяет делать небезынттересные наблюдения по тем сюжетам, которые трудно выделить при макроисторическом изучении различных процессов и явлений. Одной из тем, предполагающих применение подобного подхода, является изучение взаимосвязей офицеров русской армии, оказавшихся по разные стороны баррикад в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Тем более что в традиционных представлениях о Гражданской войне красные и белые до сих пор воспринимаются как некие монолитные, замкнутые и непримиримые лагеря, слабо между собой связанные.

Между тем, новейшие исследования свидетельствуют о том, что реальная картина Гражданской войны значительно сложнее и многообразнее, а взаимосвязи представителей противоборствующих сил не следует недооценивать. Прежде всего, эта картина включает массовые перемещения участников войны между враждующими лагерями (в форме дезертирства и плена), а кроме того, во многих случаях речь идет еще и о специфическом личностном восприятии противника сквозь призму социальных, национальных, профессиональных и даже родственных взаимосвязей.

Особенно интересны подобные микроисторические исследования в отношении широко известных личностей и тех аспектов их биографий, которым в силу различных причин не уделялось внимания. Рассмотрение «живой», персонифицированной истории Гражданской войны способствует приращению научного знания и расширению представлений не только о судьбах, выборе, моделях поведения конкретных исторических деятелей, но и об особенностях братоубийственного конфликта, разразившегося на пространстве бывшей Российской империи в целом.

Вершиной творчества выдающегося русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870–1938) справедливо считается повесть «Поединок», опубликованная в 1905 г. Однако в 1920 г. писатель при весьма драматичных обстоятельствах сам получил вызов на поединок. Эта история до сих пор оставалась за рамками биографии писателя [см., напр.: Миленко, 2016].

В мае 1920 г., в разгар советско-польской войны, поляки развернули наступление на Украину и захватили Киев – «мать городов русских». Не раз в самые трудные моменты перед лицом внешней опасности большевики отбрасывали партийные доктрины и звали к патриотическим чувствам населения. Когда угроза исчезла, менялась и пропагандистская риторика. Один из таких моментов связан с польским наступлением на территории, воспринимавшиеся тогда как исконно русские. Стихийный всплеск патриотических чувств партийное руководство решило использовать в своих целях, разыграв патриотическую карту.

В начале мая после острых дебатов в ЦК РКП(б) было создано Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики – консультативный совет при главкоме под председательством популярного генерала старой армии А.А. Брусилова. В состав совещания вошли бывшие генералы М.В. Акимов,

П.С. Балувев, А.И. Верховский, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.А. Поливанов, А.А. Цуриков. Вошли в совещание и партийные представители.

30 мая 1920 г. в центральных газетах было опубликовано воззвание членов Особого совещания к бывшим офицерам русской армии, в котором содержался призыв забыть старые обиды и вступать в Красную армию для защиты России. Там были пронзительные слова: «В этот критический, исторический момент нашей народной жизни, мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к Родине и зываем к Вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их Вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России вас ни назначило» [Правда, 1920, № 116, с. 1]. Этот документ сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшихся офицеров в Красную армию. Воззвание произвело эффект разорвавшейся бомбы. Его читали, обсуждали, хвалили и проклинали, а кто-то не мог сдержать слез [ГА РФ, ф. Р-5972, оп. 3, д. 170, л. 3] – ведь более двух лет офицеры в Советской России находились на положении изгоев. Воззвание повлияло на решение многих вступить в Красную армию. Тем более что 2 июня было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России [Правда, 1920, № 118, с. 1]. Впрочем, часть поверивших за это поплатилась.

В белом лагере воззвание красных генералов вызвало шквал негодования. Белые опасались, что патриотическая идея окажется перехвачена красными и обоснованно сомневались в искренности документа. Сподвижник генерала П.Н. Врангеля полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике: «До какой степени подлости могут пойти люди со страху или с голоду. Каждое слово возвания дышит этим страхом, каждое слово – подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о “Матушке-России”».

Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честными» [ГА РФ, ф. Р-5853, оп. 1, д. 3, л. 58]. При этом фон Лампе был согласен с необходимостью умерить пыл поляков.

Не симпатизировавший большевикам московский историк Ю.В. Готье, впоследствии советский академик, записал в дневнике в связи с созданием Особого совещания: «Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправения большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов – это золотой мост для перехода на паек, так как, якобы, гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы – ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман

это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны» [Готье, 1997, с. 403].

В Гельсингфорсе (ныне – Хельсинки) на новую пропагандистскую линию большевиков откликнулась русская эмигрантская газета «Новая русская жизнь», на страницах которой 10 июня появилась заметка «Два воззвания». Ее автор подписался псевдонимом «Ак» [Ак., 1920, с. 2–3; публикацию см.: Куприн, 1999, с. 261–265; 2001, с. 238–242]. В этой заметке сравнивались воззвание Особого совещания и похожее воззвание Врангеля к офицерам, пошедшим в Красную армию.

«Ак» разделял негодование антибольшевистских кругов, отмечая, что в обращении Врангеля можно увидеть «прямую, ясную и честную мысль, не затуманенную никакими задними соображениями и побочными расчетами. Этого нельзя сказать про воззвание бывших царских генералов, новообращенных пособников и соратников большевизма.

Даже для людей, склонных к соглашательству, для усталых, зыбких душ оно заключает между своими строками множество тревожных недоумений, беспокойных вопросов и невольного недоверия» [Ак., 1920, с. 2].

Увидевший за строками советского воззвания игру большевиков, автор справедливо недоумевал, почему документ подписан председателем Особого совещания при главкоме, но нет подписи самого главкома. «Ак» подметил и то, что генералы не упомянули о системе заложничества, не понравилось ему и одностороннее предложение забыть обиды лишь самим офицерам (советская власть ничего забывать не намеревалась). Справедливым было и наблюдение «Ака» о том, что «Врангель говорит от себя, как от главы правительства и армии. Его незапятнанная честь, его несомненная любовь к родине, наконец, вся полнота его власти порукой за его слова. А могут ли поручиться все восемь совдепских генералов за то, в каком настроении духа проснутся завтра Зиновьев и Троцкий, давно осмеявшие и оплевавшие дурацкие понятия: честность, верность слову, сострадание, совесть, долг» [Ак., 1920, с. 2].

Распаяясь все сильнее, «Ак» грубо охарактеризовал подписавших воззвание генералов: «И есть ли вообще вера им всем, если условно отвести в сторону Брусилова и Поливанова? Возбуждает ли доверие Парский, спасший ценою Риги свою жизнь, а угодничеством перед советскою властью свою должность? Не Клембовский ли, дважды менявший религию, в интересах карьеры, ловя которую за хвост, он до войны получил кличку “мыловара”, а во время войны – “кондитера”, в период же тяжелых духонинских дней, обнаруживший такую гибкость в сношениях с Крыленко? Не Гутор ли с Зайончковским, которые в доброе старое время были такими яркими, такими крикливыми монархистами, что за них краснели от стыда самые правые зубры? Наконец, не Акимов ли – величина совершенно не известная?» [Ак., 1920, с. 2].

Проницательным было наблюдение «Ака» о том, что большевики не могли позволить генералам совещаться и составлять воззвание без контроля – «и оттого-то

на белом фоне *“любви и преданности к дорогой родине, нашей матушке России”* ярко горят красные лоскутья интернационала, вшитые грубыми портными» [Ак., 1920, с. 2]. К вкраплениям в генеральский текст, сделанным партийными контролерами, «Ак» отнес упоминание самоопределения народностей, дорогого польского народа, обвинение белых офицеров в классовом эгоизме.

В личном архиве А.А. Брусилова сохранился изначальный рукописный текст воззвания, отличающийся от опубликованного [ГА РФ, ф. Р-5972, оп. 3, д. 170, л. 2]. Сравнительный анализ двух редакций показывает, что слова о братском и дорогом польском народе, а также о классовом эгоизме офицерства принадлежали самому генералу. При этом из текста Брусилова партийными цензорами были изъяты упоминания о попрании поляками православия, фразу про «державный русский народ» заменили на «русский и украинский народ», исчезли все упоминания о национальном характере войны, как с польской, так и с советской стороны, а также о братоубийственном характере войны славянских народов. Партийному руководству требовалось привлечь офицерство, а не возрождать дореволюционные лозунги и порядки.

«Ак» резюмировал: «А выражение “использовать свои боевые знания” – это уже целиком из Маркс-Троцкого катехизиса, извините за сближение.

И, наконец, какая тут к черту Родина, если самое это слово из советского обихода исключено как крайне похабное, и всего лишь на днях газета “Правда” всячески зашала несчастного проф. Брауна, осмелившегося в предисловии к какой-то книжке упомянуть о любви к родине как о могучем рычаге.

Что и говорить: победа в руках Бога. Но победу над поляками большевики всё-таки сумеют приписать не патриотическому подъему, а гордой и несокрушимой власти пролетариата» [Ак., 1920, с. 2–3].

Победы над поляками, как известно, не случилось, но создававшие Красную армию бывшие офицеры (само понятие «офицер» большевики тогда стыдливо спрятали за эвфемизмом «военный специалист») действительно оказались на обочине советской жизни.

Самые резкие эпитеты «Ака» достались близкому другу Брусилова бывшему генералу от инфантерии Владиславу Наполеоновичу Клембовскому (1860–1921). Под двойной сменой им религии, очевидно, подразумевались служба императору, Временному правительству, а затем и большевикам.

Но Клембовского вряд ли можно отнести к карьеристам. И здесь «Ак» по причине резкого антибольшевизма был несправедлив и пристрастен. Речь шла о видном военачальнике русской армии, георгиевском кавалере, талантливом военном ученом. В революцию Клембовский пытался противостоять развалу армии и падению дисциплины, хотя это было и непросто. Сам генерал летом 1917 г. свидетельствовал, что получает «сплошь да рядом анонимы с вырезанными из журналов моими

фотографиями, с проколотыми глазами и соответствующими угрозами» [Эйдман, Меликов, 1927, с. 80].

Оставшись в Советской России, Клембовский старательно уклонялся от участия в Гражданской войне: был членом военно-законодательного совета, председательствовал в комиссии по описанию войны 1914–1918 гг., но не занимал командных постов на фронте.

Статья «Ака» так и осталась бы незамеченной, если бы не случай. Заметка в гельсингфорсской газете попала на глаза сыну Клембовского, по стечению обстоятельств также оказавшемуся в Финляндии. Семья Клембовских, как и многие семьи той эпохи, оказалась расколота Гражданской войной. Сын генерала Георгий (1887–1952) – герой Первой мировой войны, военный летчик, подполковник, примкнул к белым. С конца 1918 г. он служил на Севере России, а после разгрома белых в районе Мурманска в феврале 1920 г. отступил в Финляндию. Был интернирован в лагере Лахти-Хеннала, где и узнал о газетной заметке.

Хотя Клембовский-старший и занимал видные посты в Красной армии, сын был вне себя от возмущения. Уже на следующий день после выхода заметки он подготовил целую серию писем, а начал с обращения к председателю Временного комитета по делам беженцев Северной области в Норвегии и Финляндии С.Н. Городецкому:

«Милостивый государь!

Ввиду отъезда генерала Миллера за границу, обращаюсь к Вам как к представителю власти с покорнейшей просьбой.

В газете “Новая русская жизнь” в номере 123 от 10 июня с/г помещена ложь и пасквиль на моего отца.

Если означенная газета получается кем-либо из живущих у Вас в лагере, то не откажите сообщить содержание прилагаемых при сем двух писем и моего рапорта» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 1].

Затем последовало письмо редактору газеты Ю.А. Григоркову:

«Милостивый государь, господин Григорков!

В Вашей газете, за № 123, от 10 июня, в статье “Два воззвания” за подписью “Ак” про моего отца В.Н. Клембовского написано следующее: “Не Клембовский ли, дважды менявший религию в интересах карьеры, лоя которую и т. д. и прочую пасквиль”. Прошу не отказать сообщить приблизительно, в каких годах он дважды менял религию и какую преследовал цель (более подробно), дабы не исчерпывать все словами “в интересах карьеры”.

Также прошу сообщить имя, отчество, фамилию, звание и адрес автора статьи, подписавшегося “Ак”, дабы я мог у него навести более подробные справки о тех данных, имеющихся у него, каковые не знаю я.

Я мог бы просить Вас написать в Вашей газете ответ на статью господина “Ак”, но по причинам, понятным всякому развитому и умному человеку – должен отказаться.

Уверен в том, что большевизм в России придет к скорому концу, и будущая правдивая история Обновленной России сумеет воздать должное и моему отцу.

Прилагаю при сем засвидетельствованную копию моего письма господину “Ак”» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 2].

Третьим стало письмо автору заметки: «Автору статьи “Два воззвания” под псевдонимом “Ак”»:

«М[илостивый] г[осударь], Г^н “Ак”

Будучи, как служащий бывшей армии Северной области интернирован в лагере Лахте-Хеннала, не могу лично встретиться в данное время с Вами, но за написанную Вами в газете “Новая русская жизнь” № 123 ложь на моего отца В.Н. Клембовского заявляю Вам, что Вы “лжец и мерзавец”.

Если вы эти скромные эпитеты считаете себе незаслуженными, то я готов Вам дать удовлетворение оружием.

Дабы вышеизложенное не осталось между нами, засвидетельствованные копии этого письма я послал:

- 1) Полковнику Фену
- 2) Редактору газеты “Новая русская жизнь”
- 3) Господину Городецкому – в Норвежский лагерь
- 4) и нескольким еще другим лицам» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 2об.].

Венчал всё рапорт председателю штаб-офицерского суда чести: «Прошу о направлении моего рапорта русскому представителю в Финляндии полковнику Фену, а также прошу ходатайствовать о сообщении мне имени, отчества, фамилии, звания и адреса автора статьи “Два воззвания” под псевдонимом “Ак”» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 3].

Поиски увенчались успехом. Как оказалось, за псевдонимом «Ак» скрывался выдающийся русский писатель А.И. Куприн.

18 июня Куприн писал упомянутому выше С.Н. Городецкому:

«Милостивый государь, г. Городецкий.

По поводу моей статьи в “Н.Р.Ж.” я получил от подполковника Г.В. Клембовского письмо, в конце которого он пишет, что копия этого письма, в числе других лиц, послана им и Вам. Последнее обстоятельство вынуждает меня послать Вам и мой ответ подполковнику Клембовскому» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 4].

Клембовскому же Куприн ответил днем ранее:

«Милостивый государь,

Статью в № 123 “Н.Р.Ж.” писал я, А.И. Куприн.

Вы обвиняете меня в лжи, но ни одного факта, опровергающего мою политическую и служебную оценку ген. Клембовского, Вы не приводите.

Также Вы не смогли оскорбить меня и Вашей бранью. Не предъявлять же мне Вам счет того зла, которое причинили России генералы, подписавшие воззвание. Это дни истории.

Я понимаю, что критика действий генерала Клембовского всегда будет больно задевать Ваши сыновние чувства, но не могу ни переменить моих взглядов на этот вопрос, ни признать возможным его разрешение оружием.

А. Куприн» [ГА РФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 94, л. 5].

После выпуска воззвания и перелома на польском фронте в пользу Красной армии Особое совещание перестало быть интересным партийным руководителям, которые более не стремились к патриотическим заигрываниям с обществом, а вернулись к рассмотрению прежних идей мировой революции. Уже в июне начались аресты членов совещания. Прежде всего, людей с польскими фамилиями. В числе первых арестовали и бывшего генерала Клембовского.

22 мая 1920 г. В.Н. Клембовский получил назначение в Сибирь на должность для поручений при помощнике главнокомандующего по Сибири. 31 мая 1920 г. он жаловался помощнику Троцкого Э.М. Склянскому на непосильность назначения [РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 917, л. 281–281об.]. В итоге в июне 1920 г. Клембовского вместо Сибири направили на Кавказский фронт. Л.Д. Троцкий лично приказал использовать Клембовского, «приняв во внимание его бывший служебный опыт и соответствующий военный стаж» [РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 917, л. 276]. Троцкий также просил командующего фронтом «обеспечить В.Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка» [РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 917, л. 276].

Однако 30 июня 1920 г. в Ростове-на-Дону В.Н. Клембовский по прибытии к новому месту службы был арестован прямо в вагоне поезда. 5 июля его доставили в Москву. Бывший генерал сидел в Бутырской тюрьме. Обвинялся в сношениях с заграничными военными организациями, хотя вины за собой не знал. Первый допрос состоялся только в октябре – похоже, после ареста Клембовский не особенно интересовал следователей. В тюрьме его здоровье пошатнулось. Пробыв в заключении более года, генерал объявил голодовку, на которую никто не отреагировал. После двух недель без еды 19 июля 1921 г. он скончался.

Сын В.Н. Клембовского в сентябре 1920 г. уехал из Финляндии во Францию, на короткое время успел в Белый Крым к Врангелю, жил в эмиграции в Югославии и Австрии. Умер в Инсбруке в 1952 г.

А.И. Куприн через две недели после вызова на дуэль, 26 июня 1920 г., уехал из Финляндии в Париж, где прожил 17 лет [Куприн, 2001, с. 17]. Отъезд не был бегством от поединка, а произошел по материальным причинам. Однако и в Париже Куприн едва сводил концы с концами, пристрастился к алкоголю, погряз в долгах, тяжело болел. Единственным выходом стало принятие советского гражданства. В 1937 г. писатель вернулся на родину и, таким образом, сам «поменял религию», за что прежде бичевал других. В ноябре 1937 г., в разгар Большого террора, рядом с творцами этого террора среди почетных гостей парада на Красной площади по случаю 20-летия революции оказался и он – недавний враг советской власти. Не то сам Куприн, не то советский корреспондент от его имени восторгался: «Незабываемый парад Красной армии – это просто волшебное зрелище. Это зрелище хватает за душу, за сердце... Я потрясен» [Парад великого народа, 1937, с. 6]. Вряд ли тогда обласканный советской властью известный писатель вспомнил об оскорбленном им красном генерале, умершем в советской тюрьме. Через несколько месяцев не стало и самого Куприна.

История несостоявшегося поединка А.И. Куприна и Г.В. Клембовского интересна как яркое проявление драматического и трагического размежевания русского общества эпохи Гражданской войны и того, насколько взаимосвязаны между собой, несмотря ни на что, противоборствующие лагеря. Сын генерала Клембовского, несмотря на антибольшевистские убеждения и участие в белом движении, отнюдь не считал своего отца, видного военного специалиста Красной армии, врагом или предателем, о чем писал в заметке Куприн. Принадлежность отца к противоборствующему лагерю на родственные чувства сына не повлияла. Идеальная приверженность самого В.Н. Клембовского большевизму также сомнительна. Показателен и итоговый жизненный выбор А.И. Куприна, «сменившего вехи» и уехавшего в конце жизни в СССР, несмотря на яростную антибольшевистскую публицистику прежних лет. Ирония истории причудлива – Клембовский и Куприн, по сути, поменялись ролями. Бывший генерал, несправедливо обвиненный писателем в измене былым убеждениям, умер от голода в советской тюрьме, оставшись в исторической памяти жертвой большевиков, тогда как прославленный литератор, «переменив взгляды», окончил свои дни в почете, сделавшись для миллионов символом торжества и привлекательности советских идей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воззвания Особого совещания и генерала П.Н. Врангеля к офицерам

Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились

Свободный русский народ освободил все бывшие ему подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны, по долгу совести, работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России. В особенности это необходимо в данное грозное время, когда братский и дорогой нам польский народ, сам изведавший тяжелое иноземное иго, теперь вдруг захотел отторгнуть от нас земли с искони русским населением и вновь подчинить их польским угнетателям.

Под каким бы флагом и с какими бы обещаниями поляки ни шли на нас и на Украину, нам необходимо твердо помнить, что какой бы ими ни был объявлен официальный предлог этой войны, настоящая главная цель их наступления состоит исключительно в выполнении польского захватнического поглощения Литвы, Белоруссии и отторжения части Украины и Новороссии с портом на Черном море (от моря до моря).

В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своею честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию.

Председатель Особого совещания при Главнокомандующем А.А. Брусилов.

Члены совещания: А.А. Поливанов, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, П.С. Балуев, А.Е. Гутор, М.В. Акимов.

Воззвание генерала Врангеля к офицерам Красной армии

Офицеры красной армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков русской армии, – не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой когда-то служили и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей.

Три года тому назад, забыв долг, русская армия открыла фронт врагу, и обезумевший народ стал жечь и грабить родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братскою кровью лежит перед нами мать Россия...

Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье родины, оскверненной собственными сынами.

Этих сынов – темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой русской армии...

Что привело вас на этот позорный путь? Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан?

Я говорил со многими из вас, добровольно оставившими ряды красной армии. Все они заявляли, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и самоотречение...

Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к родине еще не угасла в ваших сердцах...

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды русской, настоящей армии.

Я – генерал Врангель, ныне ставший во главе ее, как старый офицер, отдавший родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и представляю возможность искупить ваш грех.

Генерал Врангель.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ак. Два воззвания // *Новая русская жизнь (Гельсингфорс)*. 1920. № 123. 10.06. С. 2–3.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3.
- ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94.
- ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 170.
- Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. 588 с.
- Куприн А.И. Голос оттуда: 1919–1934. М.: Согласие, 1999. 736 с.
- Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб.: Журнал «Нева», 2001. 432 с.
- Миленко В.Д. Куприн: Возмутитель спокойствия. М.: Молодая гвардия, 2016. 368 с.
- Парад великого народа. Из беседы с писателем А.И. Куприным // Литературная газета. 1937. № 61 (697). 10.11. С. 6.
- Правда. 1920. № 116. 30.05. С. 1.
- Правда. 1920. № 118. 03.06. С. 1.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 917.
- Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 году. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 114 с.

REFERENCES

- Ак. Dva vozzvanija [Two appeals], in: *Novaja russkaja zhizn' (Gel'singfors)*. 1920. № 123. 10.06. P. 2–3 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archives of Russian Federation] (GA RF). F. R-5853. Op. 1. D. 3.
- GA RF. F. R-5867. Op. 1. D. 94.
- GA RF. F. R-5972. Op. 3. D. 170.
- Got'e Ju.V. *Moi zametki* [My memoirs]. Moscow: Terra, 1997. 588 p. (in Russian).
- Kuprin A.I. *Golos ottuda* [Voice from there]: 1919–1934. Moscow: Soglasie, 1999. 736 p. (in Russian).
- Kuprin A.I. *My, russkie bezhency v Finljandii... Publicistika (1919–1921)* [We, Russian refugees in Finland. Publications (1919–1921)]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva", 2001. 432 p. (in Russian).
- Milenko V.D. *Kuprin: Vozmutitel' spokojstvija* [Kuprin: The scorcher]. Moscow: Molodaja gvardija, 2016. 368 p. (in Russian).
- Parad velikogo naroda. Iz besedy s pisatelem A.I. Kuprinym [Parade of great folk. From the conversation with a writer A.I. Kuprin], in: *Literaturnaja gazeta*. 1937. No. 61 (697). 10.11. P. 6 (in Russian).

Pravda. 1920. No. 116. 30.05. P. 1 (in Russian).

Pravda. 1920. No. 118. 03.06. P. 1 (in Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archives] (RGVA). F. 6. Op. 4. D. 917.

Jejdeman R., Melikov V. *Armija v 1917 godu* [Army in 1917]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. 114 p. (in Russian).